

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ КЫРГЫЗСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ ИЗ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

В Центральной Азии во второй половине I тыс. н.э. происходит развитие и быстрая смена полиэт- нических государственных образований близких родоплеменных групп. Одним из таких образований яв- лялся Кыргызский каганат, сформировавшийся в верховьях Енисея. Во второй половине IX в. власть кыр- гызских каганов распространилась на значительные территории. Исследование погребений с кремацией, выявленных за пределами прародины кыргызов, позволило проследить межплеменные контакты и на- правления военных походов в период «великодержавия». Материалы могильника Меновное VIII очерчива- ют юго-западную границу проникновения носителей кыргызских традиций в Верхнее Прииртышье.

Ключевые слова: Верхнее Прииртышье, эпоха средневековья, кыргызы, курган, погребаль- ный обряд, вещевой инвентарь.

Введение

Ранняя история енисейских кыргызов воссоздается в своей основе через археологические источники. Китайские хроники и орхоно-енисейские тексты передают отрывочные сведения об истории народов, обитавших в верховьях Енисея. Особенности государственного развития на- селения Минусинской котловины позволили Кыргызскому каганату к середине VIII в. стать рав- ноправным политическим партнером для оседлых и кочевых государств Азии. В середине IX в. начинается эпоха «кыргызского великодержавия», когда власть кыргызских каганов распростра- няется на значительные территории Центрально-Азиатского региона. Появление на сопредель- ных территориях курганов, содержащих захоронения по обряду трупосожжения, характерного для погребального ритуала кыргызов, дает возможность проследить пути и направления экспансии Кыргызского каганата за пределы Минусинской котловины. Материалы одного из курганов мо- гильника Меновное VIII не только способны воссозданию специфики погребальной обрядно- сти и элементов материальной культуры носителей кыргызских традиций, но и позволяют наме- тить юго-западные границы степной зоны Прииртышья, находившийся под кыргызским влиянием.

Общая характеристика памятника

Могильник Меновное VIII расположен на левом берегу Иртыша в безымянном урочище, огра- ниченном невысокими сопками, в 2,1 км к юго-востоку от пос. Меновное Таврического района Восточно-Казахстанской области. Он объединяет 16 разновременных поминальных объектов: переходного времени от бронзового к раннежелезному веку; насыпи скифо-сакского времени; разновременные погребальные сооружения средневековых кочевников.

В северо-западной части урочища в 1998 г. археологической экспедицией ВКГУ исследован курган, соотносимый с периодом раннего средневековья, но отличающийся погребальной обряд- ностью от всех других поминальных объектов, оставленных средневековыми кочевниками и ис- следованных в пределах Усть-Каменогорского микрорайона [Ткачев, Ткачева, 1999]. Насыпь кур- гана расположена на кромке узкого водораздела, отделяющего, с одной стороны, две сопки, ог- раничивающие урочище, на которых сосредоточена основная часть поминальных объектов, с другой — две долины, локализованные с севера поймой Иртыша и обрамленные по внешнему периметру отрогами невысоких сопкок (рис. 1, 1–4).

Курган 8 имел округлую форму, диаметр 10 м. Современная хорошо задернованная поверх- ность поросла невысоким степным кустарником. Располагавшаяся на пологом склоне насыпь име- ла разную высоту в отдельных секторах: в северном — свыше 0,5 м, южном — около 0,4 м. В центре просматривалась овальная западина размером 3,1×2,3×0,2 м, вытянутая в широтном направлении. Центральный участок западной части западины плавно переходил в канавку, направленную на запад. Длина канавки 3,2 м, ширина 0,3–0,5 м, глубина от уровня материка 0,45–0,5 м. Провал над верхней частью западины на глубину 0,2 м заполнен черной гумусированной супесью (рис. 2).

Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья

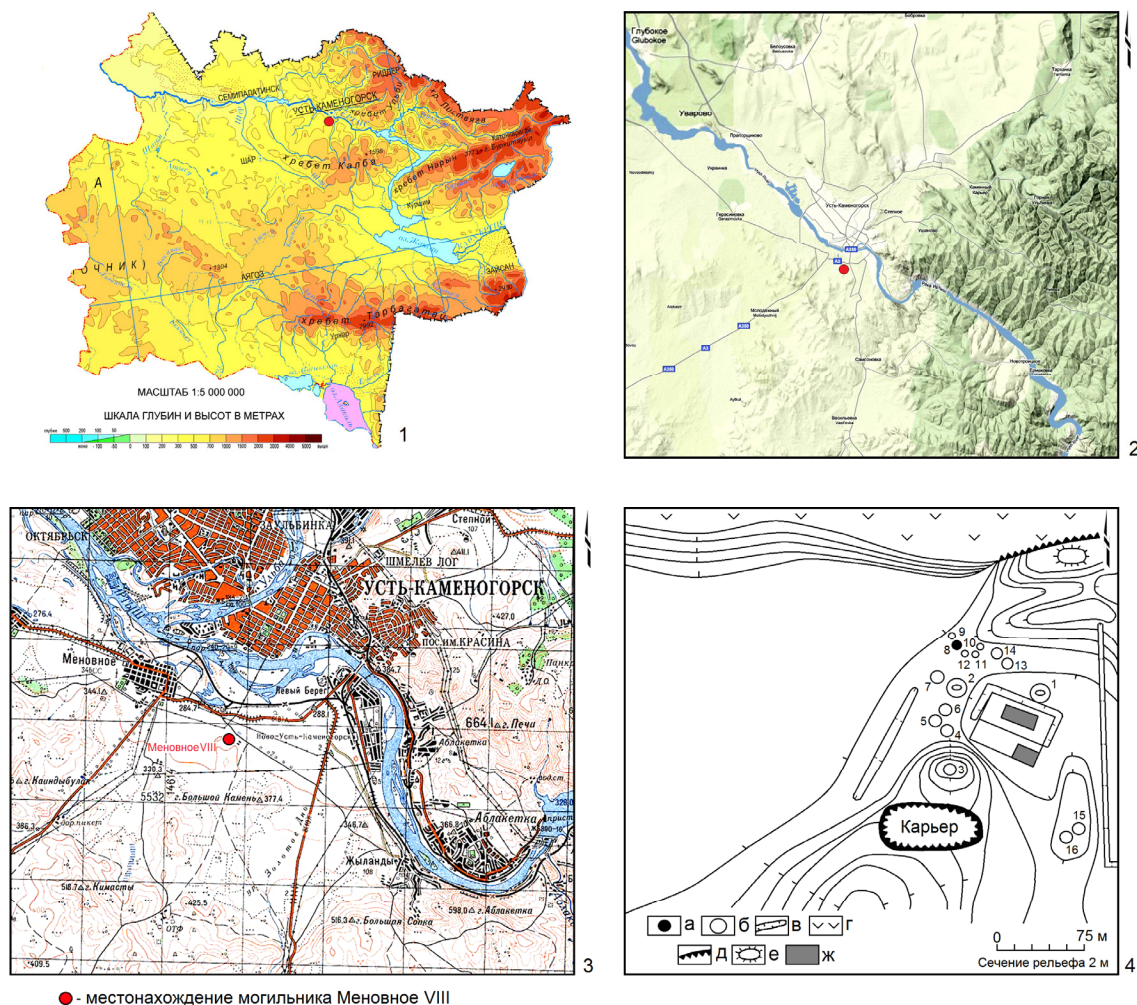

Рис. 1. Могильник Меновное VIII. Местоположение (1–3) и план (4) памятника:

а — кыргызский курган; б — разновременные курганы эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья;
 в — противопожарные траншеи; г — высокая пойма Иртыша; д — скальный обрыв; е — скальный выход;
 ж — постройки склада для хранения химических удобрений.

Fig. 1. Burial ground Menovnoye VIII. Location (1–3) and plan (4) of the monument:

а — Kyrgyz barrow; б — burial barrows of the Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages; в — fireproof trenches;
 г — high floodplain of Irtysh; д — rocky cliff; е — rocky exit; ж — building of a warehouse for storing chemical fertilizers.

Для отсыпки насыпи толщиной 0,2–0,3 м использован коричневый суглинок с примесью мелкого щебня, под которым залегала прослойка желто-серого суглинка с примесью белесого щебня, образовавшегося в результате выброса грунта при сооружении могилы, мощностью 0,2–0,25 м. Выброс перекрывал погребенную почву, сложенную коричневой гумусированной супесью толщиной 0,1 м. Ниже залегала прослойка желтой глины толщиной до 0,2 м, перекрывавшая, в свою очередь, скальное основание сопки, сложенное хорошо колющимся камнем белесого цвета.

Насыпь перекрывала оградку с одной дополнительной пристройкой. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют о том, что первоначально была сооружена основная ограда А, в ее центре разместили могилу, торцевая стенка которой соединена с неглубоким коридором-дромосом. Выкид из ограды отмечен на погребенной почве на расстоянии 0,5–0,7 м от стенок за ее пределами. Более поздним сооружением является пристройка — камни, примыкающие к стенкам основной конструкции, уложены поверх тонкой прослойки выброса, тогда как остальные, использовавшиеся для сооружения стенок ограждения, установлены поверх погребенной почвы.

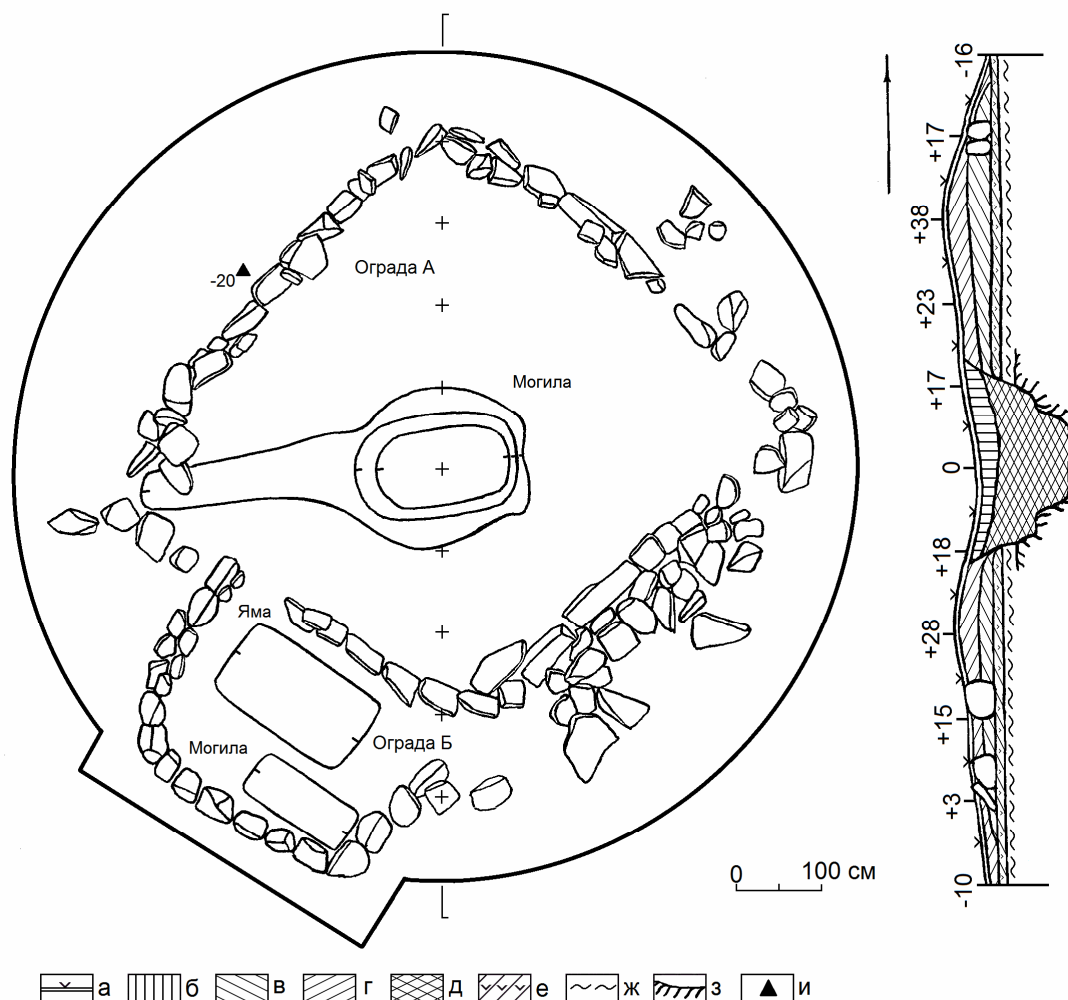

Рис. 2. Могильник Меновное VIII. Курган 8. План ограды:

а — дерн; б — черная гумусированная супесь; в — коричневый суглинок с примесью мелкого щебня; г — желто-серый суглинок с примесью белесого щебня; д — серо-коричневый мешаный суглинок с примесью белого щебня и древесного тлена; е — погребенная почва (коричневая гумусированная супесь); ж — желтая глина; з — скальное основание сопки; и — бронзовая бляха-тройчатка.

Fig. 2. Burial ground Menovnoe VIII. Barrow 8. Plan of the fence:

а — turf; б — black humus sandy loam; в — brown loam with an admixture of fine gravel; г — yellow-gray loam with an admixture of whitish rubble; д — gray-brown mixed loam with an admixture of whitish rubble; е — buried soil (brown humus sandy loam); ж — yellow clay; з — rocky base of the hill; и — bronze plaque triplet.

Ограда А — основная — неправильно-ромбической формы, ориентирована углами по сторонам света. Размеры по линии запад — восток составляли 8,4 м, север — юг — 7,2 м. Сооружена из крупных блоков серо-коричневого ломаного камня. Развал камней позволяет предполагать, что при сооружении поминальной конструкции использовали вертикальную кладку в один-два горизонта при общей высоте стенок ограждения в 0,3–0,4 м. В стенках ограды прослеживаются разрывы. Один шириной 0,4 м, расположен в западном углу конструкции, его появление связано с преднамеренным смещением камней в связи с общей ориентацией коридора-дромоса в данном направлении. Остальные разрывы зафиксированы близ восточного угла ограды: два шириной 0,3 и 0,4 м — в северо-восточной стенке; один шириной 0,3 м — в юго-восточной. Если первый проход сделан преднамеренно в процессе проведения погребального обряда, то время появления остальных (при строительстве, в процессе захоронения или в результате ограбления) определить невозможно. За пределами ограды вдоль юго-восточной стенки прослеживался завал из разбитых плит серого гранита, представлявших собой остатки перекрытия могильной конструкции и выброшенных за пределы конструкции в процессе ограбления (рис. 2). За

Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья

оградой у северо-западной стенки под дерном обнаружена бронзовая прорезная бляха-тройчатка, утерянная, скорее всего, в процессе ограбления кургана (рис. 4, 3).

Могила, расположенная в центре огражденного пространства, представляла собой грунтовую яму неправильно-овальной формы размером 2,1×1,9×0,85 м, ориентированную по линии запад — восток с незначительным отклонением к югу. Придонная часть ямы на глубину 0,65 м вырублена в белесой хорошо колющейся скальной породе. Придонная часть ямы, размером 1,6×1,0 м, заполнена серо-коричневым мешаным суглинком с примесью белесого щебня. Придонная часть ямы, размером 1,6×1,0 м, заполнена серо-коричневым мешаным суглинком с примесью белесого щебня. На дне в юго-восточном углу ямы обнаружена овальная линза кальцинированных костей человека диаметром 23–25 см, толщиной 3–4 см (рис. 3, 1). Около северо-западного края линзы лежал обломок железной накладки (рис. 4, 1).

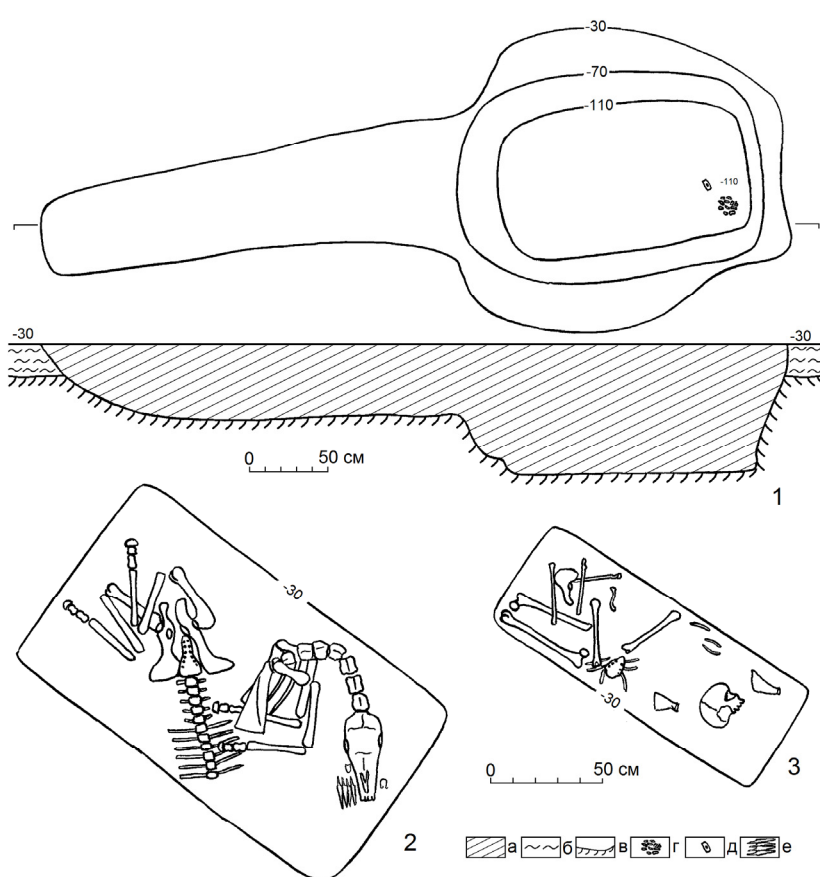

Рис. 3. Могильник Меновное VIII. Курган 8:

1 — ограда А, план могилы; 2 — ограда Б, план жертвенной ямы; 3 — ограда Б, план могилы;
а — серо-коричневый мешаный суглинок с примесью белесого щебня и древесного тлена; б — желтая глина;
в — скальное основание сопки; г — скопление кальцинированных костей; д — железная накладка;
е — остатки колчана с напильником и железными наконечниками стрел.

Fig. 3. Burial ground Menovnoe VIII. Barrow 8: 1 — fence A, plan of the grave;
2 — fence B, plan of the sacrificial pit; 3 — fence B, plan of the grave:

а — gray-brown mixed loam with an admixture of whitish rubble; б — yellow clay; в — rocky base of the hill;
г — accumulation of calcified bones; д — iron plate; е — remains of a quiver with a file and iron arrowheads.

Западная стенка ямы соединена с узким коридором-дромосом, направленным к западному частично разобранному углу ограды. Длина подземной части дромоса 2,6 м, ширина 0,5–0,9 м, глубина 0,4 м. Придонная часть равномерно заполнена серо-коричневым мешаным суглинком с примесью щебня. Стенки дромоса, резко понижаясь в восточной части на глубине -40 см от уровня материка, переходят в яму, размер которой на уровне дна дромоса составляет 1,9×1,3 м. Кроме того, на этом уровне вдоль длинных стенок могильной ямы просматривались пологие уступчики шириной 0,15–0,2 м. В заполнении дромоса и могильной ямы встречался тлен и мелкие кусочки древесины от разрушенного перекрытия (рис. 2; 3, 1).

Незначительные глубина и протяженность подземного коридора-дромоса позволяют предполагать, что данная конструкция является только имитацией входа-выхода из погребальной камеры, ведущего за пределы огражденного пространства. После размещения в могиле кремированных останков умершего могильное углубление перекрыли двумя уровнями защиты: первое перекрытие, из гранитных плит, разместили на боковых уступчиках на уровне дна дромоса; второе — на уровне материковой поверхности: яму и дромос закрыли деревянными бревнами или плахами, поверх которых сделали дополнительное перекрытие из гранитных плит.

Ограда Б пристроена к юго-западной стенке основной конструкции. Юго-восточная стенка начиналась от южного угла ограды, северо-западная — на расстоянии 1,6 м от западного угла. При сооружении использовались уплощенные камни размером 0,3–0,5×0,2–0,4×0,3–0,4 м. Основная часть конструкции представляла собой кладку камней, уложенных в один ряд, и только на небольшом участке северо-западной стенки прослежена кладка из двух горизонтально уложенных небольших камней (рис. 2).

Пристройка прямоугольной формы с закругленными углами размером 3,6×2,5 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Первый камень пристройки, размещавшийся у южного угла основной ограды, сдвинут в сторону так, что образовался проход вовнутрь шириной 0,5 м. Второй проход, шириной 0,6 м, соединяющий основную ограду и пристройку, расположен близ центрального участка юго-западной стенки основной ограды у северного угла пристройки. Часть камней северо-западной и юго-восточной стенок уложены на выброс мощностью 5–10 см, тогда как камни юго-западной стенки размещены поверх погребенной почвы, что позволяет констатировать более позднее сооружение пристройки по отношению к основной ограде. В огражденном пространстве находились могильная и жертвенная ямы (рис. 2).

Могилы располагались вдоль стенок, образующих южный угол пристройки. Грунтовая яма размером 1,4×0,55×0,4 м ориентирована по линии северо-запад — юго-восток (рис. 2). Придонная часть на глубину 0,2 м вырублена в скальном грунте. Внутреннее пространство заполнено серо-коричневым мешаным суглинком с примесью белесого щебня. На дне ямы встречены разрозненные останки подростка в возрасте 12–14 лет. Распределение костей скелета в пределах погребального пространства позволяет предполагать, что умерший лежал головой на юго-восток (рис. 3, 3).

Жертвенная яма обнаружена в центральной части северного сектора пристройки, размещена параллельно могиле и юго-западной стенке основной ограды, вплотную к камням последней (рис. 2).

Прямоугольная грунтовая яма размером 1,8×1,0 м ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Стенки ямы прорезали глинистый выброс и погребенную почву. Придонная часть углублена в материковую глину на 2–3 см. Общая глубина ямы от верхнего среза по уровню выкида и до дна составляла от 0,2 до 0,25 м.

На дне находился костяк лошади, преднамеренно расчлененной перед захоронением на две части между шестым и седьмым ребрами (рис. 3, 2). Задняя часть туши, размещенная по диагонали углубления, занимала западный сектор ямы. Останки тела уложены на живот, ноги присогнуты в суставах и смещены к западной стенке, кости левой преднамеренно вывернутые, перекрывают кости правой ноги. Передняя часть туши лошади сдвинута в северо-восточный сектор ямы. Передние ноги присогнуты в коленных суставах, кости бабок и копыт частично перекрывают грудной отдел задней части туши. Кости шейных позвонков плавно изогнуты, но между третьим и четвертым шейными позвонками наблюдается небольшой разрыв, свидетельствующий о преднамеренном сломе. Голова лошади, уложенная на основание, ориентирована на юг. С левой стороны черепа на стыке передней части верхней и нижней челюстей находилась железная изогнутая скоба с загнутыми краями для закрепления ее в деревянном псалии (рис. 4, 2), с левой стороны у основания черепа находился бронзовый наконечник ремня (рис. 4, 4). находка наконечника ремня и скобы, использовавшейся для закрепления в ней ремня повода, свидетельствует, с одной стороны, о том, что лошадь была взнуздана, с другой стороны, отсутствие удила позволяет предполагать размещение поверх головы животного не полной упряжи с одним свисающим ремешком, украшенным наконечником, в сопровождении одного деревянного псалия, что и должно было имитировать запряженную лошадь.

С правой стороны, вдоль резцовой кости черепа, параллельно друг другу лежали три железных наконечника стрел остриями, ориентированными на юг (рис. 4, 6–8), между ними располагался железный напильник (рис. 4, 5). Особенности размещения вещевого комплекса относительно останков животного допускают наличие колчана длиной не менее 60 см, уложенного по линии север — юг вдоль головы и изгиба шеи лошади.

Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья

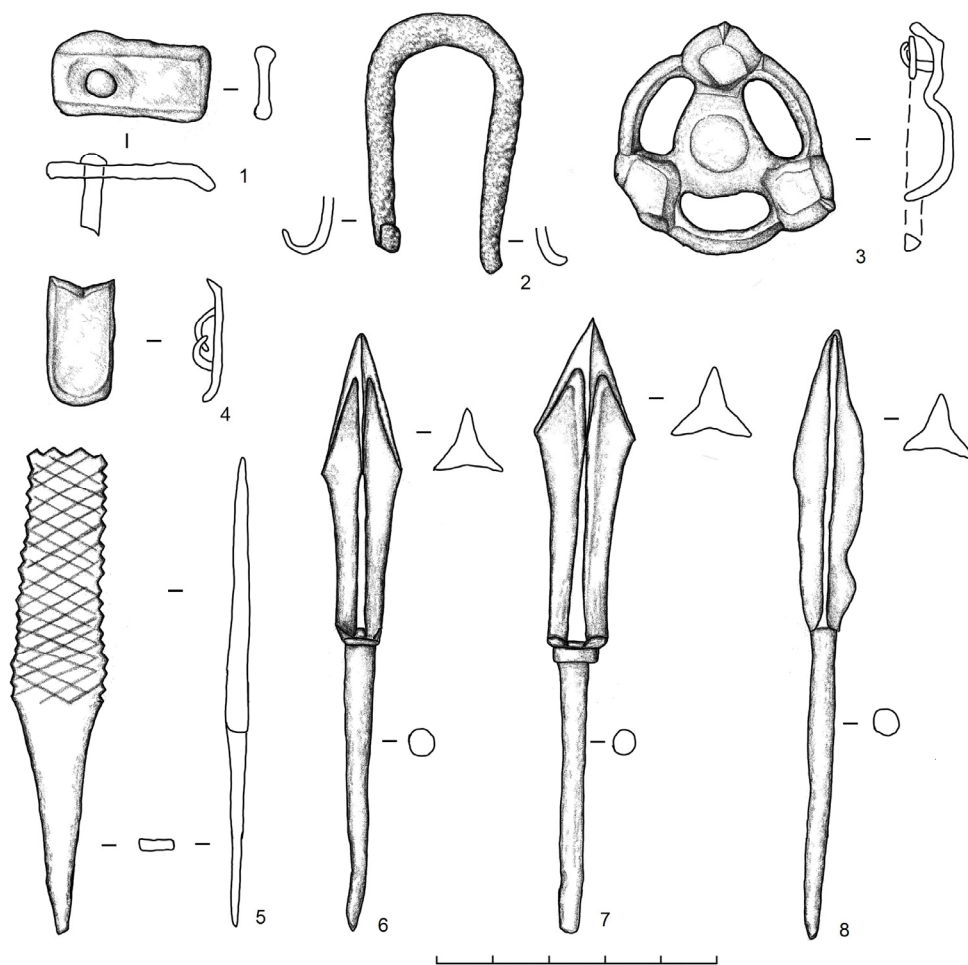

Рис. 4. Могильник Меновное VIII. Курган 8. Вещевой инвентарь:

1 — ограда А, могила; 2, 4–8 — ограда Б, жертвенная яма; 3 — насыпь, СЗ сектор (1, 2, 5–8 — железо; 3, 4 — бронза).

Fig. 4. Burial ground Menovnoe VIII. Barrow 8. Goods inventory:

1 — fence A, grave; 2, 4–8 — fence B, sacrificial pit; 3 — embankment, NW sector (1, 2, 5–8 — iron; 3, 4 — bronze).

Особенности погребального обряда

Стратиграфические наблюдения позволяют констатировать, что между сооружением основной ограды и пристройки существовал определенный временной разрыв, но структура насыпи свидетельствует об одномоментности ее отсыпки над обеими конструкциями. Грунт (коричневый суглинок с примесью мелкого щебня) привнесен со стороны, скорее всего из долины, примыкающей с запада к погребальной площадке. Подтверждает данное предположение отсутствие вокруг насыпи ровиков или карьерных ям для получения грунта, необходимого для отсыпки кургана. Получить грунт, идентичный насыпи, в пределах окружающего пространства невозможно: на прилегающих участках тонкий слой дерна перекрывал небольшую прослойку желтой глины, залегавшей на скальном основании сопки. Работы на одном из погребальных объектов, располагавшихся в центре сопредельной долины, показали, что горизонт идентичного грунта, использовавшегося для насыпи, достигал здесь 50–60 см. Углубление, образовавшееся в процессе получения грунта, с течением времени могло частично заполниться гумусом и окончательно слиться с окружающей местностью в процессе многолетней современной распашки долины.

Для сооружения поминальных оград использованы разные конструкторские подходы: стенки основного сооружения, имевшего подквадратную форму с углами, ориентированными по сторонам света, оформлены вертикальной двурядной кладкой каменных блоков; в основу овально-прямоугольной пристройки, вытянутой вдоль юго-западной стенки основной ограды,

положена однорядная кладка. Об определенной хронологической близости конструкций свидетельствует идентичность использованной породы камня.

Погребальные сооружения, исследованные в пределах оград, отличаются как внутренним устройством, так и принципами погребального обряда. Могильная яма, располагавшаяся фактически в центре огражденного пространства основной ограды, имела овально-аморфную форму и соединена с узким неглубоким дромосом, ориентированным на запад. В процессе сооружения дромоса частично разобрали западный угол ограды, открыв проход вовнутрь. Останки умершего, кремированного на стороне, аккуратно поместили в юго-восточный угол ямы, которая могла иметь двойное перекрытие. Первое, из гранитных плит, располагалось на уступчиках по уровню дна дромоса; второе, фиксируемое на уровне погребенной почвы, перекрывало яму и подземный коридор деревянными плахами, перекрытыми гранитными плитами. Назначение коридора-дромоса не определено. Расстояние между дном и верхним перекрытием не превышает 40–45 см, поэтому проникнуть через него вовнутрь ямы, имевшей на уровне пола дромоса каменное перекрытие, практически невозможно. Вероятно, сооружение, имитирующее подземный коридор-дромос, носило некий сакральный характер.

Наличие в пристройке погребения подростка, совершенного по обряду ингумации, позволяет рассматривать его как преднамеренное захоронение социально зависимого человека. Косвенно подтверждается это наличием погребения коня, размещенного в отдельной яме, прорезавшей только выброс, образовавшийся при сооружении могилы основной ограды, слой дерна и почти не углубленной в материковый грунт. Тело коня перед размещением в едва намеченной яме аккуратно расчленили между шестым и седьмыми ребрами на две части — переднюю и заднюю. Части туши смещены относительно друг друга, занимали разное положение также относительно дна ямы, но обе имели идентичную ориентацию: задняя часть по линии позвоночного столба и передняя часть по линии черепа направлены на юг. Зависимость подчеркивается и фактической имитацией узды, в которой отсутствовали удила, но имелись один деревянный псалий со скобой и один бронзовый наконечник для украшения свисающего ремня оголовья. К тому же в пределах ям не прослеживались следы перекрытий.

Определенная взаимосвязь погребенного по обряду кремации и подростка прослеживается по наличию в яме с конем колчана, содержащего напильник и три стрелы с железными наконечниками. У большинства народов мира тройка является священным символом единства мира через триаду мироустройства и олицетворение жизни. Можно допустить, что два почти идентичных наконечника отражали рождение и смерть, а третий — жизнь. Подчиненное положение подростка (раба или оруженосца) подчеркнуто наличием напильника, необходимого для поддержания оружия господина в боевом состоянии.

При анализе материалов, полученных из курганов Копенского чаатаса, исследователи пришли к мнению, что по обряду трупосожжения погребалась элита кыргызского (хакасского) общества, тогда как рабов и слуг хоронили по обряду трупоположения [Евтюкова, Киселев, 1940, с. 30–32]. В отдельных курганах Зевакинского могильника, соотносимых со временем кыргызского проникновения в бассейн Иртыша, присутствуют захоронения, совершенные по обряду как кремации, так и ингумации. Захоронения в грунтовых ямах, в основу которых положен обряд трупоположения, находятся в подчиненном положении, располагаясь в полах курганов [Арсланова, 1972, с. 58, табл. II]. Лошадь как элемент погребального ритуала отсутствует в захоронениях культуры чаатас, но на позднем этапе, в VIII–IX вв., у основных курганов, содержавших захоронения по обряду кремации, появляются сопутствующие погребения под небольшими округлыми насыпями по обряду ингумации в сопровождении коней, рассматриваемые как захоронения союзников, слуг и клиентов [Кызласов, 1981а, с. 47, 49]. На стадии развития тютятской культуры древних хакасов (кыргызов), датирующейся IX–X вв., обряд кремации начинает сопровождаться отдельными черепами, неполными скелетами без черепов и нижними конечностями лошади [Кызласов, 1981б, с. 55]. В кургане 114 Зевакинского могильника с одиночным захоронением по обряду кремации, совершенным на уровне древнего горизонта, отмечены не только отдельные кости лошади и три черепа, но и почти полный скелет животного [Арсланова, 1972, с. 56–57]. Появление лошадей в курганах с захоронениями по обряду кремации в пределах как Минусинской котловины, так и Верхнего Прииртышья можно рассматривать через призму тюркского или кимакского влияния, для погребального обряда которых характерно широкое использование коней в ритуале.

Социальную значимость погребенного подчеркивает не только единичность данного вида захоронения в пределах сакральной зоны урочища, но и определенная историческая память о нем в

последующих поколениях, что отразилось в размещении вокруг погребальной конструкции сооружений, соотносимых с более поздней стадией развития культуры средневековых кочевников региона.

Характеристика предметного комплекса

Вещевой инвентарь, полученный при исследовании кургана, связан с вооружением воина и амуницией, использовавшейся для управления лошадей.

Бронзовая прорезная бляха-тройчатка соотносится с конструктивно-декоративным компонентом, связанным с распределением ремней портупеи. Она оформлена в виде округлой рамки с тремя уплощенными симметрично расположенными перемычками-лопастями и округло-выпуклой уплощенной центральной частью диаметром 1,5 см, высотой 5–7 мм. Две лопасти заканчиваются выделенными приостренными носиками; у третьей кончик обломан и пришлифован. Рамка имеет треугольно-уплощенное сечение с шириной основания 3,2–3,5 мм при высоте около 3 мм. Между центральной частью и рамкой просматриваются три овально-фасолевидные прорезы длиной 1,5–1,6 см, шириной 6,1–6,5 мм. Общий диаметр бляхи 4,1 см, диаметр рамки 3,6 см. К внутренним сторонам лопастей припаяны железные шпеньки. Для закрепления ремней использовались небольшие медные пластинки квадратной или прямоугольной формы, надевавшиеся на шпеньки с последующим их расклепыванием (рис. 4, 3). Данные изделия имели широкое распространение на всем протяжении тюркской эпохи, в том числе в киргизских древностях. Сочетание орнаментированных и неорнаментированных изделий, используемых для украшения конской амуниции, отмечается с конца VII в. [Ткачев, Ткачев, 2021, рис. 4, 12, 15] до рубежа X–XI вв. [Могильников, 1981а, с. 42, рис. 23, 22; с. 43, рис. 24, 16]. На территории Минусинской котловины и Тувы подобные бляхи присутствуют в погребальных комплексах тюхтятской культуры IX–X вв. [Кызласов, 1978, с. 53, рис. 11, 6; 1981б с. 56, рис. 33, 58]. Неорнаментированные портупейные бляхи отмечены и в кыргызских курганах Зевакинского могильника [Арсланова, 1972, с. 58, табл. V, 1, 2], Четырехдырчатая неорнаментированная бляха встречена в кыргызском захоронении могильника Коргон I [Дашковский, 2015, с. 74, рис. 50, 1]. Для кимакских древностей Верхнего Прииртышья и Алтая более характерны изделия, орнаментированные растительным или линейным узором [Арсланова, 2013, с. 39, рис. 5, 10; фото 29; Могильников, 2002, с. 13, рис. 6, 4; с. 22, рис. 48, 74; Суворова, Ткачев, 1995, с. 256, рис. 5, 22].

Бронзовый наконечник ремня имеет геральдическую форму с фигурным основанием типа «ласточкин хвост». Гладкая поверхность щитка не орнаментирована, параллельные бортики плавно переходят в округлый носик. Длина изделия 2,2 см, ширина 1,2 см, высота бортиков 2,2–2,3 мм. К внутренней стороне припаяны два приостренных железных шпенька. При закреплении на ремне шпеньки были загнуты навстречу друг другу, острые концы впущены в кожу ремня (рис. 4, 4). Неорнаментированные наконечники ремней широко бытовали на всем протяжении тюркской эпохи [Гаврилова, 1965, с. 69, рис. 11, 27–30; Могильников, 1981б, с. 45, рис. 27, 45; Трифонов, с. 140, рис. 172, 9, 10]. Аналогично оформленный наконечник встречен в кургане с кремацией Зевакинского могильника [Арсланова, 1972, табл. I, 1]. Если для культуры чаатас (VI–IX вв.) характерны неорнаментированные наконечники ремней с гладким основанием и округлым носиком [Кызласов, 1981а, с. 50, рис. 28, 42, 45], то в тюхтятской культуре (IX–X вв.) появляются гладкие наконечники ремней с фигурным оформлением основания [Кызласов, 1978, с. 48, 50, рис. 8, 14, 15, 23; 1981б, с. 56, рис. 33, 68].

Железная накладка овально-прямоугольной формы с выемкой вдоль центральной части и округлыми бортиками вдоль длинных сторон, длина 2,7 см, ширина 1,3–1,4 см, толщина 2–2,5 мм. Один конец изделия обломан, второй слегка закруглен. В центре овального конца пробито отверстие диаметром 3,5 мм, куда вставлен железный гвоздик диаметром 3 мм, использовавшийся для соединения накладки с каким-то достаточно толстым предметом. С внешней стороны накладки конец гвоздика расклепан с образованием округлой выпуклой шляпки диаметром 5–6 мм, высотой около 2 мм; внутренняя часть гвоздика длиной 9 мм обломана (рис. 4, 1). Назначение изделия не определено.

Дугообразная скоба изготовлена из железной пластинки длиной около 9 см, ширина в центральной части 6 мм, на концах 3–4 мм, толщина 1,5–2 мм. Изделие имеет овально-трапециевидную открытую форму с загнутыми концами. Длина изделия около 4 см, ширина овального конца 2,5 см, открытого — 2,1 см. Загнутые концы сохранились частично: один обломан, высота изгиба второго около 4 мм. Судя по расстоянию между загнутыми концами, толщина деревянной пластины псаля в пределах 5–6 мм (рис. 4, 2). Деревянные псаля с закрепленными в них желез-

ными скобами в сочетании с разнообразными типами удил достаточно широко распространены в IX–X вв. в комплексах тюхтятской культуры [Кызласов, 1978, с. 52, 56, рис. 11, 1, 12, 13]. Аналогичные изделия встречаются как в кыргызских [Дашковский, 2015, с. 74, рис. 50, 1], так и в кимакских [Могильников, 2002, с. 86–87, рис. 8, 3] древностях Алтая. Не исключено, что их появление можно соотнести с древностями кудыргинского типа [Гаврилова, 1965, с. 15, табл. IV, 4].

Железный напильник с выделенным насадом длиной 8,6 см. Рабочая часть уплощеннотрапециевидной формы, оформлена по периметру треугольными зубчиками с длиной шага 1,5–4 мм при высоте 1,2–1,5 мм. Длина рабочей поверхности 4,5 см, ширина одного конца 1,3 см, ширина при переходе в черешок 1,6 см, толщина 1,5–4 мм. С обеих сторон на плоскую поверхность изделия нанесены перекрещивающиеся насечки, формирующие рвано-приостренные грани, нанесенные под углом от края рабочей поверхности к рукояти. Рабочая часть изделия плавно переходит в удлиненно-треугольный черешок прямоугольного сечения длиной 4,1 см, толщиной 1,5–3 мм (рис. 4, 5). Аналогичные изделия характерны для погребальных комплексов тюхтятской культуры Минусинской котловины, где они входили в состав походного инвентаря воинов [Кызласов, 1981b, с. 56, рис. 33, 25].

Железные наконечники стрел по особенностям изготовления относятся к группе трехлопастных черешковых изделий. По особенностям оформления боеголовки их можно подразделить на два типа:

— первый представлен трехлопастным черешковым изделием, имеющим удлиненно-ромбическую форму пера, остроугольные узкие лопатки и покатые плечики; длина пера 5,2 см, ширина 0,8–1,2 см, длина черешка 5,4 см, диаметр до 4 мм (рис. 4, 8);

— второй тип представлен двумя черешковыми изделиями с трехгранно-трехлопастными монолитными боевыми головками, с уплощенными выемками на гранях, удлиненной шейкой, переходящей через округлый уплощенный упор в черешок. Длина пера одного наконечника 6,1 см, ширина 1,7 см, длина черешка 4,7 см (рис. 4, 7); размеры второго — соответственно 5,4; 1,3; 5,1 см (рис. 4, 6).

Наконечники первого типа широко использовались кочевыми племенами Центральной Азии на протяжении всей тюркской эпохи. Боеголовковые наконечники второго типа наиболее часты в погребениях с кремацией, что позволяет считать данную форму изобретением кыргызских ремесленников. В погребальных комплексах тюхтятской культуры боеголовковые наконечники стрел, наряду с асимметрично-ромбическими и пятиугольными, являются одним из доминирующих видов изделий, используемых в оружии дальнего боя [Кызласов, 1969, с. 111, табл. II, 19; II, I, 16; 1975, с. 194–195, рис. 3, 1–4; 1978, с. 45, рис. 12, 6, 7; 1979, с. 108, рис. 6, 2; Худяков, 1980, с. 79–77, табл. XIX, 7–9; XXXVII, 7–12]. Прототипы данных наконечников, появившиеся в комплексах культуры чаатас, видоизменяясь, продолжают бытовать и в более поздних комплексах тюхтятской и аскизской культур [Кызласов, 1981a, с. 49, рис. 28, 32; Кызласов И.Л., 1983, с. 38, табл. XIX, 16, 18, 19].

Появление боеголовковых наконечников на территориях, занятых кимакским населением, объясняется контактами с пришедшими с востока группами кыргызов, что подтверждается и их распределением по отдельным курганам. Широко данный тип изделий представлен в кыргызских захоронениях Горного Алтая (могильник Янукор, Коргон I, Чинета II), причем в одном из курганов последнего памятника аналогичные наконечники составляли 38,1 % [Дашковский, 2015, с. 9, рис. 2, 7, 14, 16, 17; с. 42, рис. 30, 1, 3, 4; с. 69, рис. 46, 2–9]. На р. Алей в погребальных комплексах Гилевского микрорайона в захоронениях по обряду кремации они составляют 10,5 %, по обряду ингумации — 3,7 % [Могильников, 2002, с. 111, 113]. Из 28 наконечников, обнаруженных в кыргызских курганах Зевакинского могильника, 9 (32,1 %) относятся к типу боеголовковых [Арсланова, 1972, табл. III, 9, 10, 12, 13; IV, 3, 4, 7, 10, 12].

Обсуждение результатов

Анализ материалов из раннесредневековых памятников Минусинской котловины позволяет исследователям отождествлять древности народа, обитавшего здесь на протяжении длительного времени, с двумя этнонимами. Средневековые китайские источники для обозначения населения Верхнего Енисея использовали этноним «хагяс» [Бичурин, 1950, с. 351–355; Киселев, 1951, с. 560]. Значительная часть советских исследователей этнонимы «хагяс» и «кыргыз» рассматривали как тождественные [Евтюхова, Киселев, 1940, с. 21; Киселев, 1951, с. 359]. В работах Л.Р. Кызласова древности чаатасской, тюхтятской и аскизской культур интерпретируются как последовательное и непрерывное развитие хакасской государственности, во главе которой стоял царский род «хыргыс» [1981a, b; 2001, с. 73–75]. Иных взглядов придерживается Ю.С. Ху-

дяков, который, ссылаясь на работы лингвистов, считает форму «хагяс» китайской транскрипцией слова «кыргыз» [Худяков, 1980, с. 3–26; Бутанаев, Худяков, 2000, с. 18–39]. Исследователь предлагает и собственную периодизацию непрерывного развития кыргызской культуры, включающую четыре этапа (эпохи чаатас, единой державы, сууктэр и монгольская эпоха) [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 99–114]. Периодизационные системы истории кыргызской культуры, предложенные исследователями, по основным параметрам совпадают [Савинов, 2005, с. 257–258]. Итоги дискуссии показали, что появление этнонима «кыркыс» (кыргыз) связано с древними тюрками, которые стали соотносить его с населением, обитавшим в верховьях Енисея. В дальнейшем данный этноним получил широкое распространение среди сопредельных народов. В то же время использование этнонима «кырыз» или «хагяс» в качестве самоназвания народа, заселявшего на протяжении средневековья Минусинскую котловину, можно только предполагать¹.

Активное расселение енисейских кыргызов за пределы Минусинской котловины началось после разгрома уйгуров в 840 г. и было обусловлено периодом «великодержавия» Кыргызского каганата, распространившего свое влияние на огромные территории Центральной Азии [Бартольд, 1963, с. 489–500]. По мнению Л.Р. Кызласова, в процессе завоеваний в рамках нового государственного объединения формируются и взаимодействуют 4 крупных княжества: «Хакассия» (Хакаско-Минусинская котловина), «Кешдым» (Тува), «Алтай» (Горный и Северный), «Уйгурия» (Северо-Западная Монголия) [1984, с. 135], что подтверждается и письменными источниками [Кляшторный, 2013, с. 227–228]. Д.Г. Савинов выделил несколько локальных вариантов культуры енисейских кыргызов, фактически совпадающих с территориями княжеств (минусинский, тувинский, алтайский, восточно-казахстанский, красноярско-канский, прибайкальский) [1984, с. 90–97; 2005, с. 266–272]. Восточно-казахстанский вариант вряд ли территориально входил в состав Кыргызского каганата, во-первых, из-за удаленности от метрополии; во-вторых, из-за существования в Верхнем Прииртышье в IX–X вв. Кимакского каганата, находившегося на пике своего могущества [Кумекоев, 1972].

В пределах территорий, занятых кимаками, число могил, содержащих захоронения с кремацией, незначительно. На Алтае курганы с трупосожжением (могильники Гилево, Карболиха, Новофирсово, Иванов Ключ, Михайловка) расположены компактно — в степной зоне Алей-Чарышского междуречья [Алехин, 1990; Могильников, 2001; Грушин, 2014, Тишкин, 1991]². В Верхнем Прииртышье аналогичные захоронения встречены в четырех памятниках: Зевакино³, Камышенка, Ново-Камышенка, Меновное VIII. Погребальная обрядность данных объектов сопоставима с кыргызскими древностями Минусинской котловины, а появление трупосожжения в среде кимаков отражает политическую ситуацию, сложившуюся в результате взаимодействия племен Центральной Азии в период раннего средневековья.

Под воздействием древнетюркских каганатов, господствующих в степях Азии на протяжении VI–VIII вв., по окраинам складываются предпосылки появления новых государственных образований: Кыргызского (верховья Енисея) и Кимакского (степи Алтая и Верхнего Прииртышья) каганатов [Савинов, 1994, с. 24–35, 65–76]. После гибели Восточно-Тюркского каганата и образования в 745 г. Уйгурского каганата начинается его военная экспансия, приведшая к подчинению значительных территорий Азии, в том числе и государства енисейских кыргызов. С 758 г. возникает пусть и номинальное, но подчинение кыргызов уйгурским правителям [Кызласов, 1969, с. 57–59]. Данные о политических взаимоотношениях кимаков и уйгур неизвестны, но в процессе похода на карлуков, предпринятого после завоевания кыргызов, под власть Уйгурского ка-

¹ Во всех письменных источниках, выявленных в пределах границ Кыргызского каганата, в том числе на территории Минусинской котловины, отсутствуют этнонимы, о которых спорят исследователи. Единственным этническим названием, упоминающимся в кыргызских письменных источниках, является «татар», причем один и тот же древний текст исследователи переводят по-разному (см.: [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 121–126]).

² В последнее время наблюдается тенденция датирования курганов с трупосожжением, оставленных носителями кыргызской культуры, временем грязновского этапа сrostкинской культуры (вторая половина IX — первая половина X в.) [Тишкин и др., 2011, с. 56, 73, 74, 77; Дашковский, 2015, с. 87, 92, 96]. В результате часть кыргызских захоронений степного Алтая не только интерпретируются как сrostкинские, но и само появление носителей кыргызских традиций на этой территории соотносится лишь со временем «кыргызского великодержавия», с чем вряд ли можно согласиться.

³ Могильник Зевакино представляет собой скопление свыше 500 погребальных конструкций бронзового века и средневековья, занимающее площадь в несколько квадратных километров, что не позволяет рассматривать его как единый памятник. Курганы с кремацией — это три отдельные группы, вытянутые по линии СВ–ЮЗ, объединяющие соответственно пять, три и четыре насыпи. Расстояние между центральной и крайними группами составляет 800 и 300 м [Арсланова, 1972, с. 58, 70], что дает право рассматривать их как отдельные разновременные объекты. Непонятно и их планиграфическое соотношение с кимако-кипчакскими курганными средневековыми группами.

ганата могли попасть и кимаки [Савинов, 1994, с. 36]. После того как в 795 г. правящая уйгурская династия была пресечена, кыргызы постепенно обретают независимость: в 818 г. представитель правящей династии объявляет себя каганом. Последующие длительные кыргызо-уйгурские войны завершились в 840 г. падением Уйгурского каганата. До этих событий имели место дипломатические контакты по вопросам создания военного союза Кыргызского каганата с сопредельными государствами [Бичурин, 1950, с. 354–355].

Можно предположить, что одним из естественных союзников Кыргызского каганата являлся Каганат кимаков. Письменных источников о политических взаимоотношениях двух государств не обнаружено, но археологические данные позволяют констатировать, что эти контакты осуществлялись на протяжении значительного временного периода от второй половины VIII до начала XI в.

В настоящее время территориально выделяются два крупных микрорайона кимакских памятников, содержащие и курганы с кремацией. Первый расположен в верховьях р. Алей (Гилевский микрорайон — 27 курганов с кремацией); второй — на правом берегу Иртыша (Зевакинский микрорайон — 11 курганов с кремацией). Для поминальных объектов, расположенных за пределами микрорайонов, характерно наличие единичных курганов с кремацией (Новофирсово VII — 1⁴, Михайловка — 1, Иванов Ключ I — 1, Камышенка — 2; Ново-Камышенка — 1; Меновное VIII — 1). Появление подобных объектов на территории кимаков объясняется военной экспансией кыргызов и размещением здесь военных гарнизонов [Алехин, 1990, с. 66–67; Могильников, 2002, с. 123]. Необходимо отметить, что письменные и археологические данные о военном противостоянии кимаков и кыргызов отсутствуют; наоборот, некоторые исследователи отмечают мирный характер взаимоотношений разнокультурного населения [Тишкин и др., 2011, с. 56–57; Дашковский, 2015, с. 33].

Два крупных микрорайона кимакских древностей, скорее всего, отражают существование территориальных кимакских центров, соотносимых с летней и зимней ставками кимакских каганов. Наличие курганов с кремацией в пределах сосредоточения кимакских древностей позволяет предполагать, что при ставках могли функционировать дипломатические представительства Кыргызского каганата, а захоронения по обряду кремации содержат останки людей, умерших в процессе длительных контактов, что и предопределило незначительное количество таких захоронений.

В пределах Верхнего Прииртышья наиболее ранней погребальной конструкцией, содержащей захоронения по обряду кремации, является курган 97 Зевакинского могильника⁵ [Арсланова, 1972, с. 58, табл. II]. В центре кургана на уровне материка располагалась линза кальцинированных костей, вокруг которой находились три скопления, включающие оружие, орудия труда и детали конской амуниции. В восточном секторе у края насыпи исследована яма, содержащая безынвентарное захоронение по обряду ингумации. Погребальный обряд данного кургана сопоставим с традициями культуры чаатас, для которой характерны кремация, размещение вещей в тайниках и наличие отдельных захоронений по обряду труположения, что позволяет датировать данный комплекс второй половиной VIII — первой половиной IX в.

Наиболее поздним кыргызским объектом, соотносимым с эпохой «кыргызского великодержавия», является курган 8 могильника Меновное VIII. Кремированные останки размещены в квадратной ограде, ориентированной углами по сторонам света. С одной стороны, такие поминальные конструкции характерны для древностей тухтятской культуры IX–X вв. [Кызласов, 1981b, с. 55], с другой — данный тип оград свойственен и погребальному обряду кимаков IX–X вв. [Могильников, 2002, с. 174; Ткачев, Ткачева, 1999, с. 142], что позволяет датировать поминальный комплекс рубежом IX–X вв.

Таким образом, материалы памятников Восточного Казахстана позволяют наметить территориальные и хронологические границы присутствия носителей кыргызских традиций в пределах Кимакского каганата. Для разработки внутренней хронологии данных комплексов требуются накопление новых источников и тщательный анализ уже известных материалов.

Благодарности. Приносим искреннюю признательность Д.А. Белоногову за прорисовку вещевого инвентаря.

⁴ Захоронение по обряду трупосожжения определено только для кургана 3, в полностью разграбленной центральной могиле кургана 4 каких-либо останков погребенного не обнаружено, поэтому с кыргызской составляющей могильника может соотноситься только одно сооружение (см.: [Алехин, 1990, с. 65]).

⁵ Следует подчеркнуть, что это практически единственный курган, изученный на территории Восточного Казахстана, который при публикации не только описан, но и сопровождается планом раскопа. Многочисленные средневековые объекты, исследованные А.Х. Арслановой, отражены в публикациях только через описание курганов, могил и обнаруженных артефактов (см.: [Арсланова, 2013]).

Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алехин Ю.П.* Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: СО РАН, 1990. С. 62–75.
- Арсланова Ф.Х.* Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.
- Арсланова Ф.Х.* Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: МОН РК, Филиал ИА им. А.Х. Маргулана, 2013. 405 с.
- Бартольд В.В.* Киргизы: Исторический очерк // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 471–543.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. 382 с.
- Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. Абакан: Хакас. ун-т, 2000. 272 с.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грушин С.П.* Археология Рудного Алтая: Исследование древних с средневековых памятников у горы Таташкина. Барнаул: Алт. ун-т, 2014. 118 с.
- Дашковский П.К.* Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Алт. ун-т, 2015. 224 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* Чаатас у села Копены // ТГИМ. Вып. XI. 1940. С. 21–54.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
- Кляшторный С.Г.* Вторая Бай-Булунская стела // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 223–229.
- Кумекоев Б.Е.* Государство кимаков в IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири // САИ. 1983. Вып. Е3-18. 128 с.
- Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 211 с.
- Кызласов Л.Р.* Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 193–211.
- Кызласов Л.Р.* Курганы древнехакасской тютятской культуры в Туве (по материалам Тувинской археологической экспедиции МГУ) // Вестник МГУ. 1978. № 6. С. 38–56.
- Кызласов Л.Р.* Курганы тюркоязычных племен северной Тувы в IX–X вв. // Известия СО АН СССР. Сер. общ. наук. Новосибирск, 1979. Вып. 1. С. 105–112.
- Кызласов Л.Р.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981a. С. 46–52.
- Кызласов Л.Р.* Тютятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981b. С. 54–59.
- Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. М.: Высш. школа, 1984. 167 с.
- Кызласов Л.Р.* Династическая традиция и возникновение древнехакасского государства // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Алт. ун-т, 2001. С. 63–77.
- Могильников В.А.* Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981a. С. 29–43.
- Могильников В.А.* Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981b. С. 45–46.
- Могильников В.А.* Курганы с трупосожжением в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Алт. ун-т, 2001. С. 77–139.
- Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–X веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
- Савинов Д.Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху ранних кочевников. Кемерово: КемГУ, 1994. 215 с.
- Савинов Д.Г.* Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: СПбГУ, 2005. 376 с.
- Суворова Г.И., Ткачев А.А.* Кимакские погребения могильника Ахмирово I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кемеров. ун-т, 1995. С. 253–266.
- Тишкин А.А.* Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: Алт. ун-т, 1991. С. 16–19.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г.* Алтай в эпоху средневековья: Иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: Печатная компания АРТИКА, 2011. 136 с.
- Ткачев А.А., Ткачева Ал.Ал.* Тюрское погребение в сопровождении коня из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 136–145. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-9>
- Ткачева А.А., Ткачева Н.А.* Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136–145.

Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 115–246.
Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Tkachev A.A.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: sever626@mail.ru

Early Medieval Kyrgyz burial from the Upper Irtysh region

In Central Asia in the second half of the 1st millennium A.D., there were development and rapid change of large polyethnic state formations of allied congeneric groups of the Turkic people, Uigurs, Kyrgyz, Kimaks, and Kipchaks. The material goods of most of the tribal unions are unidentified and cannot be associated with the names of specific ethnic groups known from the written sources. Continuance and cultural affinity of the successive nomadic communities are based upon identity of the subsistence systems in similar natural and climatic conditions. The Kyrgyz (Khakass) Khaganate, which emerged in the Upper Yenisei region, was one of the Early Medieval states. In the second half of the 9th century, the authority of the Kyrgyz khagans spread onto the vast territories of Central Asia. The main culture-forming attribute of the Kyrgyz ethnos is cremation burials. The study of the cremation burials found beyond the ancestral homeland of the Kyrgyz allows tracing the intertribal contacts and directions of military campaigns of the Kyrgyz during the period of their “greatpowerness”. In this paper, materials of the burial mound of Menovnoe VIII, situated in the territory of the Upper Irtysh 2.1 km south-east from the village of Menovnoe, Tavrichesky district, East-Kazakhstan Region, are analysed. Under the mound of the kurgan, there was a fence with an outbuilding. The central grave contained a cremation burial, and the outbuilding — an adolescent burial and a sacrificial pit with a horse carcass split into halves. The grave goods are represented by a bronze waistbelt clasp and a fragment of an iron object. Alongside the horse, there was a quiver with three arrowheads and a rasp-file, as well as part of a bridle (a snaffle bit fixed to a wooden cheekpiece and a bronze buckle tip). The specifics of the burial rite and analysis of the material obtained during the study of the funeral complex allows attribution of the Menovnoe-VIII kurgan 8 graves to representatives of the Kyrgyz-Khakass antiquities, who were in contact with the rulers of the Kimak Khaganate during the second half of the 8th — 10th century.

Keywords: Upper Irtysh region, Middle Ages, the Kyrgyz people, barrow, burial rite, goods inventory.

REFERENCES

- Alekhin, Yu.P. (1990). Yenisei Kyrgyz in South-West Altai. *Pamiatniki kyrgyzskoi kul'tury v Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: SO RAN, 62–75. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (1972). Kurgans with corpse burning in the Upper Irtysh. In: *Poiski i raskopki v Kazakhstane*. Alma-Ata: Nauka, 56–76. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (2013). *Essays on Medieval archeology of the Upper Irtysh region*. Astana: MON RK, Filial IA im. A.Kh. Margulana. (Rus.).
- Bartold, V.V. (1963). *Kirgizs: Historical essay*. In: *Soch. Tom. II. Part 1*. Moscow, 471–543. (Rus.).
- Bichurin, N.Ya. (1950). *Collection of information about the peoples who lived in Middle Asia in ancient times*. Vol. 1. Moscow; Leningrad. (Rus.).
- Butanaev, V.Ia., Khudyakov, Iu.S. (2000). *History of Yenisey Kyrgyz people*. Abakan: Khakas. un-t. (Rus.).
- Dashkovskii, P.K. (2015). *Kyrgyz people in Altai in the context of ethno-cultural processes in Central Asia*. Barnaul: Alt. un-t. (Rus.).
- Gavrilova, A.A. (1965). *Burial ground of Kudyrge as source on history of the Altaian tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Grushin, S.P. (2014). *Archeology of the Rudny Altai: A study of ancient monuments from the Middle Ages near Mount Tataskina*. Barnaul: Alt. un-t. (Rus.).
- Evtiukhova, L.A., Kiselev, S.V. (1940). Chaatas near the village of Kopyony. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*, (9), 21–54. (Rus.).
- Khudyakov, Yu.S. (1980). *Armament of the Yenisei Kyrgyz*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kiselev, S.V. (1951). *Ancient history of Southern Siberia*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (Rus.).
- Kliashornyi, S.G. (2013). The second Bai-Bulun Stele. In: *Drevnie tiurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam Saiano-Tuvinskoi ekspeditsii)*. St. Petersburg, 223–229. (Rus.).
- Kumekov, B.E. (1972). *The state of Kimak people in the IX–XI centuries*. Alma-Ata: Nauka. (Rus.).
- Kyzlasov, I.L. (1983). Askiz culture of Southern Siberia. SAI, (E3-18). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kyzlasov, L.R. (1969). *History of Tuva in the Middle Ages*. Moscow: Moscow State University. (Rus.).
- Kyzlasov, L.R. (1975). Kurgans of medieval Khakass (Askiz culture). In: *Pervobytnaia arkheologiya Sibiri*. Leningrad: Nauka, 193–211. (Rus.).

Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья

Kyzlasov, L.R. (1978). Kurgans of the Old Khakass Tyukhtian culture in Tuva (based on the materials of the Tuva archaeological expedition of Moscow State University). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (6), 38–56. (Rus.).

Kyzlasov, L.R. (1979). Kurgans of the Turkic-speaking tribes of northern Tuva in the IX–X centuries. *Izvestiia SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*, (1), 105–112. (Rus.).

Kyzlasov, L.R. (1981a). Old Khakass Chaatas culture of the VI–IX centuries. In: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*. Moscow: Nauka, 46–52 (Rus.).

Kyzlasov, L.R. (1981b). Tyukhtyat culture of the ancient Khakass (IX–X centuries). In: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*. Moscow: Nauka, 54–59. (Rus.).

Kyzlasov, L.R. (1984). *History of Southern Siberia in the Middle Ages*. Moscow: Higher School. (Rus.).

Kyzlasov, L.R. (2001). Dynastic tradition and the emergence of the Old Khakass state. In: *Altai i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia*. Barnaul: Alt. un-t, 63–77. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (1981a). Turks. In: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*. Moscow: Nauka, 29–43. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (1981b). Srostki culture. In: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*. Moscow: Nauka, 45–46. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (2001). Burial grounds with corpse burning in the northwestern foothills of Altai. In: *Altai i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia*. Barnaul: Alt. un-t, 77–139. (Rus.).

Mogil'nikov, V.A. (2002). *Nomads north-western foothills of Altai in IX–X ages*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Savinov, D.G. (1984). *Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era*. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University. (Rus.).

Savinov, D.G. (1994). *States and cultural genesis on territory of South Siberia in the epoch of Early Nomads*. Kemerovo. (Rus.).

Savinov, D.G. (2005). Ancient Turkic tribes in the mirror of archeology. In: Kliashtorny S.G., Savinov D.G. *Stepnye imperii Evrazii*. St. Petersburg: St. Peterb. un-t. (Rus.).

Suvorova, G.I., Tkachev, A.A. (1995). Kimak burials of the burial ground Akhmirovo I. In: *Voennoe delo i srednevekovaiia arkhologiiia Tsentral'noi Azii*. Kemerovo: Kemerov. un-t, 253–266. (Rus.).

Tishkin, A.A. (1991). Some results of archaeological research of mounds of the north-western foothills of the Altai. In: *Okhrana i issledovanie arkhologicheskikh pamiatnikov Altaia*. Barnaul: Alt. un-t. (Rus.).

Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., Gorbunova, T.G. (2011). Altai in the Middle Ages: An illustrated historical atlas. Barnaul: Pechatnaia kompaniia ARTIKA. (Rus.).

Tkachev, A.A., Tkachev, Al.Al. (2021). Turkic burial accompanied by a horse from the Upper Irtysh *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 136–145. (Rus.).

Tkachev, A.A., Tkacheva, N.A. (1999). Results of research of archaeological monuments of Ust'-Kamenogorsk microregion (1994–1998). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 136–145. (Rus.).

Trifonov, Iu.I. (1987). Monuments of Medieval Nomads. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 115–146. (Rus.).

Ткачев А.А., <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021